

Перевод: Vzhiiikk

Paradise of the Demonic Gods (Рай Демонических Богов) 1007: Тренировка

Взглянув на ярко красную Кронпринцессу, Фан Синцзянь нахмурился и сказал: — Кронпринцесса... хотя, забудь, я буду звать тебя просто Марией.

Кронпринцесса не ответила, а только фыркнула и отвернулась. По её лицу было видно, что она не настроена сотрудничать.

— Мария, — сказал Фан Синцзянь, после паузы для размышлений, — я не лгал. Это правда единственный способ снять печать. Если ты не собираешься это сделать, я никак не смогу выпустить тебя.

Брови Марии поднялись по своей воли, а в её лице читалась вселенская злоба.

Фан Синцзянь взглянул ей в глаза, вздохнул, и свернул чёрный лист обратно. — Не желаешь выходить, ну и ладно.

— Стой! — воскликнула Кронпринцесса. Она бросила на Фана Синцзяня ещё один ненавидящий взгляд, после чего прошипела через зубы: — Запомни свои слова. Если я узнаю, что ты солгал, то весь твой клан сгорит в огне, чего бы мне это ни стоило.

— Так ты принимаешь условия или нет? — спросил Фан Синцзянь прямо.

— Я сделаю это, — процедила Мария через стиснутые зубы.

— Сядь.

— Подними руку.

— Перевернись.

Мгновение Кронпринцесса колебалась, но потом, с лицом помрачневшим до черноты, перевернулась как послушная собачка. С чёрно-красным лицом, она злобно спросила: — Теперь доволен? Что дальше?

Фан Синцзянь прижал ладонь к чёрному листу и сказал: — Лизни мою руку.

Золотая воля взорвалась, всё пространство листа озарилось золотым сиянием, как если бы она хотела уничтожить мир целиком. Тем не менее, она не смогла сделать ничего прижатой к листу руке Фана Синцзяня.

Хотя они оба, казалось бы, были почти впритык друг к другу, у них не было ни шанса соприкоснуться.

Кронпринцесса прищурилась, в её глазах читалась жажда убийства. Её лицо стало цвета сливы от ненависти и злобы, грудь тяжело опускалась и поднималась, в глубоких вдохах.

Она отчётливо проговорила каждое слово: — Никто и никогда не подвергал меня такому унижению.

— До этого момента, — подсказал Фан Синцзянь. — И давай быстрее, если пройдёт минута, то придётся повторять с начала.

— А-а-а! Я убью тебя! Убью!

Золотые ладони усеяли всю поверхность листа, но не нанесли никакого вреда трёхмерному миру.

— Тебе не убить меня, — пожал плечами Фан Синцзянь. — Разве я многого прошу? Просто лизнуть руку. Никто не заставляет тебя есть экскременты.

— Ты что, сумасшедший? Кто вообще придумал такой способ снимать печать? — Кронпринцесса почти вырвала прядь золотых волос со своей головы. — Зачем ты вообще планировал использовать эту технику? Чтобы дрессировать собак?

— У тебя ещё двадцать секунд, — сказал Фан Синцзянь. — И эту печать не я придумал. К тому же, достаточно будет хотя бы прикоснуться языком.

— Мечтай! — фыркнула Мария, сжав кулаки до хруста.

Фан Синцзянь вздохнул: — Мария, мы с тобой оба эксперты шестого ранга Божественного уровня. Даже наши тела — всего лишь условности. Ты действительно будешь ограничивать себя рамками смертных? Не позволяй миру смертных влиять на тебя, иначе тебе никогда не измениться.

— Кроме того, — продолжил он, — ты наверняка должна была заметить, что в двумерном мире твоя энергия не восстанавливается. Это означает, что тебе негде черпать силы для продления своей жизни. В отличие от прошлой печати, здесь не стоит выбор между вечным заточением и смертью, в двумерном мире ты просто состаришься и умрёшь.

На самом деле Кронпринцесса не замечала этого, пока он не сказал. В этом двумерном мире, созданном Ульпианом, она не могла получить ни крупицы энергии. Хотя она могла продолжать перерабатывать силу в продолжительность жизни, если снаружи не поступало вообще никакой энергии, то однажды она всё равно умрёт.

Тем не менее, всего лишь мысли о том, чтобы лизнуть ладонь Фана Синцзяня, вызывали у неё мурашки по всей коже.

Фан Синцзянь тоже не мог ничего поделать. Он хотел узнать у неё очень много информации, однако использовать против эксперта шестого ранга обычные способы допроса бесполезно. Придётся идти шаг за шагом.

Фан Синцзянь продолжил: — Сама подумай. Мы сейчас в разных измерениях. Как бы ты ни пыталась атаковать, очевидно же, что пространственный путь это не создаст. На самом деле, твой язык даже не коснётся моей ладони.

В итоге ему удалось убедить Марию. Заставить эту женщину, правительницу многих, достигшую великой силы и обладающую огромными амбициями, лизнуть его ладонь.

— Хорошо, Фан Синцзянь, так и быть. Запомни этот момент, потому что он никогда не повторится.

Мария закрыла глаза и вытянула язык.

Её ярко-красный язык был длинным и мягким, она лизнула ладонь Фана Синцзяня, как если бы это делала змея.

В следующее мгновение он почувствовал как его ладонь стала мокрой.

Потому что стоило Марии прикоснуться языком к его ладони, как печать спала и лист исчез, а вот её язык всё ещё касался его руки.

Однако в это же мгновение она отскочила, боевая воля взорвалась как звезда, волны золотого света казались материальными и сжигали всё вокруг в пыль.

Одновременно с этим, печати, формируемые её руками, создали бессчётное множество золотых рук, уже приближающихся к Фану Синцзяню.

Мария атаковала с великой яростью, ударила могуществом, способным разрушить целую Империю. Даже континент начал деформироваться, и если бы этой силе было позволено вырваться, то никто не смог бы жить в Чудесном Мире в ближайшие сотни лет.

Но Фан Синцзянь всего лишь сказал своей волей два слова: — Ко мне!

И в это мгновение вся бушующая воля исчезла. Кронпринцесса снова почувствовала как на неё с небес опускается колоссальное давление. Её лицо исказила гримаса боли и ненависти, а всё тело дрожало, пока её снова сжимало и выталкивало в двумерный мир.

Вскоре на её месте опять остался только чёрный лист.

Кронпринцесса ударила ладонью по границе двух измерений, но с таким же успехом обычный человек мог бить пуленепробиваемое стекло. — Выпусти меня!

— Мария, ты правда думала, что я, такой дурак, выпущу тебя без всяких гарантий? — вздохнул Фан Синцзянь. — Ты выйдешь из этой темницы только при двух условиях: ты не будешь атаковать ни меня, ни этот мир.

Кронпринцесса заскрипела зубами: — Поняла. Просто в прошлый раз я не выдержала.

— Думаю, тебе стоит немного остыть, — сказал Фан Синцзянь и, не обращая внимания на её крики и проклятья, свернул лист и убрал его.

Потребуется ещё немало времени, прежде чем она станет послушной девочкой и будет готова раскрыть тонны секретов, что она знала. Раз он уже показал, что может как снять печать, так и вернуть её, она может подождать какое-то время там, остыть, и подумать над своим поведением.

Фан Синцзянь прекрасно понимал, что каждая секунда в двумерном мире, абсолютно пустом и не имеющем даже света, была настоящей пыткой.

Он закрыл глаза и задумался о том, как проходил сегодняшний бой. Особенно та его часть, в которой Ульпиан запечатал Марию. Эта сцена отложилась в его памяти.